

Л.В. Кудзеевич (Санкт-Петербург)

**«С ОБЩАГО СОГЛАСИЯ ПОСТУПАТЬ» –
МАТЕРИАЛЫ ОБ УПРАВЛЕНИИ РУССКИМИ
ВОЙСКАМИ В ПОЛЬШЕ В НАЧАЛЕ 1735 ГОДА**

СРЕДИ МНОГИХ малоизученных вопросов военной кампании российских войск в Речи Посполитой 1733–1735 гг. стоит особо выделить вопрос организации командования этими войсками. Читая описания этих событий, на первый взгляд может показаться, что она была достаточно простой и строго иерархичной, но при углублении в тему все становится довольно запутанным. Даже присутствие в Польше во время осады Гданьска фельдмаршала Миниха не создавало систему полного единоначалия для всех находящихся там российских корпусов. Еще сложнее понять, из-за отсутствия четких правительственных указов, как распределялись полномочия и происходило взаимодействие между командующими этих корпусов с осени 1734 до апреля 1735 гг. В научном архиве ВИМАИВиВС, в делах архива генерал-лейтенанта принца Гессен-Гомбургского, хранятся документы, позволяющие несколько прояснить данные вопросы. Из писем генерала Петра Петровича Ласси к принцу и копий правительственных указов, дополненных некоторыми опубликованными документами, можно увидеть, как решались управленческие задачи в конкретных ситуациях.

В начале 1735 г. в Речи Посполитой находилось около 72 000 российских солдат, не считая казаков и гусар. Главная армия в 35 000 чел. располагалась непосредственно на территории Польши и находилась под командованием генерала П.П. Ласси. На территории Великого княжества Литовского находились корпуса генерал-лейтенанта Измайлова – от 5000 до 6000 и полковника князя Репнина – 4000 чел., в Курляндии – корпус генерал-майора Бисмарка от 8000 до 9000 чел. и на Волыни – корпус

генерал-лейтенанта принца Гессен-Гомбургского в 18 000 чел. Армия Ласси, в свою очередь, делилась на различные тактические соединения от двух до десяти полков, которыми командовали генерал-лейтенанты Загряжский, Барятинский и Урусов и генерал-майоры Бахметьев, Лесли и Бирон¹.

Поскольку корпуса вводились на территорию Речи Посполитой в разное время и с разными оперативными задачами, единого командующего этими войсками в 1734 г. не было. Соответственно, управление войсками и их снабжение строилось по довольно сложной схеме взаимоотношений между российским и польским правительствами, российским послом в Варшаве и командирами корпусов, определявшихся переплетением политических, военных и экономических интересов сторон. Иметь как можно более ясное представление об этой системе необходимо, на наш взгляд, для лучшего понимания эффективности использования войск и выполнения ими поставленных задач.

Все основные директивы генерал Ласси и командующие корпусами получали из Петербурга, где их предварительно согласовывали с польским послом, а тот со своим королем. Громоздкость этой конструкции хорошо понимали в кабинете министров, что видно, например, из высочайшего рескрипта генерал-лейтенанту Измайлову от 11 января: «...вы ныне уповательно, как с генералом Лессием, так и с Варшавою свободную коммуникацию имеете, того ради надлежит вам прилежно, как с генералом Лессием, так и с Нашим полномоченным министром в Варшаве, бароном Кейзерлингом, корреспондовать и для подобных и других ваших поступков потребное известие от них требовать, также и им, о чем надлежит, сообщать, дабы, по близости, тотчас с королевским двором могли о том сношение иметь и надлежащее определение учинить, ибо пока от вас о таких делах, о которых с польским двором наперед сношения иметь надлежит, известие сюда приходить и отсюда к министру Нашему в Польшу о том отписано быть может, то время довольно и напрасно проходить и в тамошних мерах остановка приключиться может, а в свободной такой корреспонденции крайняя нужда обстоит... И как с теми противниками поступать, о том надлежит вам, как с кн. Радивиллом, так и с прочими доброжелательными, также и с министром Нашим в Польше, и с ген. Лессием сношение иметь и в том поступать с общего согласия, как по

тамошним обстоятельствам наиболее полезно разсуждено будет»². Вот только приходиться к общему согласию при решении различных вопросов оказывалось непросто, а иногда и невозможно, что приводило к возникновению конфликтов как между союзниками, так и внутри российского генералитета.

В первые месяцы 1735 г. действия российских войск в Польше определялись планом, разработанным в Петербурге и утвержденным 26 декабря 1734 г. Из сопроводительного именного указа Императрицы генералу Ласси, повелевавшей ему «по оному поступать и со всяким радением и возможным поспешанием в действо производить», следует, что план был сочинен в ответ на план Ласси от 21 ноября. Примечательно, что этот план в Петербурге сочли «не вовсе сходны» не только «с нынешними конъюктурами», т. е. с международной обстановкой, но и «с тамошними обстоятельствами» – ситуацией в Польше. Поскольку согласование действий с «его королевского величества с саксонским и коронными войсками» происходило через министра Кейзерлинга, ему также был послан план, «дабы он о том с его королевским величеством немедленно надлежащие меры взял», а Ласси следовало «с ним, бароном Кейзерлингом, потребное сношение иметь»³.

В общих чертах содержание плана известно не только по указу Ласси, но и по историческим трудам⁴. Но, поскольку этот документ являлся определяющей командной директивой для российских войск в Речи Посполитой, без знания его деталей будет сложно разобраться в дальнейших событиях. Основная часть плана – это 11 пунктов, адресованных генералу Ласси, где в первую очередь привлекает внимание большая степень подробности указаний кабинет-министров:

«1. Запотребно изобретаемую (?) дабы вся под команду генерала Лесия в Полше имеющаяся пехота по правую сторону Вислы около Кракова и в других тамо лежащих местах таким образом расставлена и на квартиры расположена была, чтоб она от Шлезских границ до Сендомира или до тамошней стороны распространилась.

2. При помянутой пехоте столько конницы оставить надлежит, сколько ко отправлению каких-либо партий и для збору потребного провианта и фуражу по разсуждению генерала Лесия надобно будет.

3. Насупртив этого достальной коннице по левую сторону Вислы стоять и от Сендомира до Ярослава и до Львова для субсистенции всевозможно распространена быть имеет.

4. Чего ради обретающаяся под командой генерала-лейтенанта Загряжского и генерала-майора Бахметева конница у Сендомира через Вислу перейти и с имеющейся при генерале Лесии совокупится имеет. Насупротив же того обретающейся под командою генерала Лесия пехоте у Казимера или Сендомира чрез Вислу переправится и с пехотою по правую сторону вышепомянутым образом стоящею соединиться надлежит.

5. После того ему генералу Лессию с имеющимся при себе корпусом прямо в Люблин, Казимер и Сендомир маршировать и по вышепомянутому плану растоновение войск, а именно пехоте по правую сторону Вислы от Сендомира до Шленских границ, но конницы по левую сторону Вислы от Сендомира до Ярослава и до Львова, в действо производить, однакож таким образом, чтоб сии войска немальми партиями разделены или же какому нечаянному неприятельскому нападению подвержены небыли.

6. Ему генералу Лесию при оной инфантерии самому пребывать, причем же он Краков взяв тамо магазейн учредить и тамошня дистрикты и обывателей к поставке потребного провианту надлежаще понуждать имеет.

7. В Ярославе, Сендомире и в других к тому удобных местах надобно ему генералу Лесию о учреждении таких же магазейнов равномерныя распоряжения учинить.

8. Ежели в Кракове и в тех местах, где пехота расставлена будет, довольно пропитания оной не сыщется, то ему генералу Лесию распоряжение учинить, дабы от стоящей по другую сторону Вислы конницы, в сендомирского, ярославского и других дистриктов потребныя припасы збираны и пехоте превожены были.

9. В Кракове быть российским войскам пока саксонские туда прибудут, тогда же российскому войску или выступить, или о совокупном тамо пребывании между собою согласиться можно, но во всяком случае ему генералу Лесию такмо магазейн сухарей и овса заготовить и к охранению онаго малую команду тамо оставить, и к тому удобные дома и места занять надлежит.

10. К содержанию свободной коммуникации между пехотою и конницею у Сендомира или в другом каком удобном месте, по благоизобретению командующего генерала, мост через Вислу

построить и как оной, так и особливой переезд под Краковым, надлежащими заставами укрепить надобно, чего ради в некоторых выгодных местах по обоим сторонам Вислы посты занять, и в Сендомире и где еще потребно гварнизоны поставить можно.

11. С принцем Гессен Гомбургским иметь прилежную коммуникацию и по тамошним обстоятельствам против неприятелей действовать и стараться, дабы оных в середину залучить и тако скорее сократить»⁵.

Оставшиеся же 3 пункта адресованы другим командирам корпусов и содержат лишь общие указания, приводимые в литературе.

Уже в январе 1735 г. «тамошние обстоятельства» потребовали корректировки плана: Август III настоятельно требовал от Петербурга оставить четыре полка с отрядом казаков от корпуса Ласси для закрытия прусско-бранденбургской границы. В рескрипте Ласси от 31 января, сообщавшем об опасениях и требованиях польского короля, в конце значилось: «...именно и накрепко вам повелеваем такие меры принять, чтоб отнюдь те противники паки в Пруссию ворваться и новое тамо усиление получить не могли, но паче как возможно от того отдалены и в тесноту и к скорейшему прекращению преведены были. А понеже мы также известие получили, что воеводство Краковское разорено и тако войску нашему довольную субсистенцию получить никак невозможно, того ради ныне надлежит вам повеленной поход во оное Краковское воеводство в действо производить, но паче войско наше в тех местах расставить и расположить, где оные свободное свое пропитание иметь могли и где вы смотря по тамошнему состоянию и обращениям со общаго согласия с нашим министром бароном фон-Кейзерлингом для общих интересов и скорейшего произвождения генеральной пацификации за благо и за потребно разсудите»⁶.

Генералу Ласси, находившемуся на месте событий, ситуация с противниками короля Августа виделась более спокойной и не требующей серьезного вмешательства. Такой она предстает в его письмах к принцу Гессен-Гомбургскому: «...здесь за помощью божеской состоит все благополучно, и ко успокоению здешних замешаней есть добрая надежда» (от 24 января)⁷, «...противные поляки приходят до единости и сейм пацификаций в апреле или мае месяцев совершенно быть может» (11 февраля)⁸ и «При том

имею честь Вашей светлости доносить: с Киевским воеводою и обретавшимися при нем коронными и протчими полскими войски по установлению армистицы, которой чрез нарочно посланного от генерала-майора господина Бахметева сообщено, производятся последние трактаты и надежно что на нынешних днях уже окончены и помянутого Киевского воеводу и маршалка коронного Мнишка в скорости в Варшаву ожидают.

Воевода Любельской каштелян Чирской староста (??) и каронной абозной Азаровский хотя от армистиции просили и для договору бискуп Куявский Шемкек был отправлен, как известно ежели саксонскими войски стоящими около Познани и генералом-лейтенантом князем Урусовым, которой следует с четьрьмя пехотными полками от Плотска к Ченстахову, переняты не будут, пошли в полские прусы» (16 февраля)⁹.

В это время в Петербурге, с подачи польской стороны, сложилось совсем иное представление и о развитии ситуации, и о действиях самого Ласси. Это привело, по словам иностранных дипломатов, к решению о смене командования российскими войсками в Польше: «Фельдмаршалу графу Миниху приказано возвратиться в Польшу и принять начальство над расположенною там русскою армией, так как Ея Величество признала необходимым поставить во главе своих войск лицо более энергическое и решительное, чем генерал Ласси» (К. Рондо лорду Гаррингтону. С.-Петербург, 15/26 февраля 1735 г.)¹⁰. Ту же информацию получил и польский министр в Петербурге граф Линар: «...часто получаемые в последнее время жалобы на медлительность и нерешимость генерала Ласси и опасение, что если при настоящем благоприятном положении дел восстановление спокойствия не удастся, то в таком случае оно долго не осуществится, – заставили Ея Императорское Величество решиться немедленно отправить в армию гр. фон-Миниха» (23 февраля 1735 г.)¹¹.

Ласси, тем временем, уже изменил свою позицию и стал действовать более активно, составив новую, отличную от плана кабинета министров, диспозицию своих войск. 16 февраля, когда было написано последнее процитированное письмо к Гессен-Гомбургскому, она была записана в его журнале:

«Его королевское величество польской изволил ко мне предлагать что польския противной конфедерации войска прошед Ченстахов, пошли к польским прусам, якобы с таким намере-

нием, чтоб приняв Станислава на пруской брандебургской границе, препроводя к Ченстахову короновать. И по тому известию, по силе Ея Императорскаго Величества высоких указов, для учреждения того их намерения и чтоб поворотясь не могли паки за Вислу к уходу способа получить, учинена следующая диспозиция:

1) Генерал-майор Лесли и полковник Кондырев, при обеих по 800-т доброконных драгун и около 600-т казаков, отправлены: Лесли к Лончицам, а Кондырев к Калишу с такими ордерами, чтоб, зближась к тем местам, имели частыя сношения с саксонским генералитетом и общее старание прилагали противничьи войска из польских прусов выгнать и поиск учинить.

2) Полки в способных по тем-же мерам местах квартирою расположены, а именно: в Сандомирском воеводстве при генерал-лейтенанте и кавалере князе Барятинском; в Радомском и Опочинском повете, от Вислы в 7-ми, от Варшавы 15-ти милях, пехотные Киевской и Архангелогородской; в Сандомире, от Радома в 15-ти, второй Московский пехотный.

В Пинчове от Радома в 20-ти, от Сандомира в 15-ти милях – Троицкой пехотной.

В Краковском воеводстве: в Щекотине, от Пинчова в 6-ти милях, Санкт-Петербургской драгунской.

В Кракове от Пинчова в 12-ти, от Щекотина в 10-ти милях – Новгородской и Воронежской пехотные.

В Жарках и Ченстахове, от Лелева в 4-х и 6-ти милях, Копорскаго пехотнаго полку по баталиону.

В Янове от Лелева и от Ченстахова в 3-х милях гусарская команда.

Гоупт-квартира имела быть в местечке Лелеве от Щекотина в 2-х, от Жарков в 4-х, от Ченстахова в 6-ти, от Еракова в 12-ти милях.

Генералу-лейтенанту князю Урусову с Углицким, Великолуцким и Псковским пехотными полками велено стоять в Ланчицком воеводстве. И все те места велено надлежаше, ради нечаяннаго неприятельскаго набегу и вреда, поукрепить и о движениях неприятельских разведывать.

Генерал-лейтнант и кавалер Загряской, с оставшими за командированием от 4-х драгунских полков людей и обозами – в местечках Люблине, Ополе и Юзефове.

Генерал-майор фон Бирон, с одним драгунским и тремя пехотными полками, около прусской бранденбургской границы в местечках: Ломзе и Новотротке (?), Остролинках и Пранищах.

Белозерской пехотной при содержании плененых при Таруне; Санкт-Петербургской пехотной батальон для поддержания с Станиславом камуникации в бискупстве Варминском»¹².

В Петербурге, на основании информации от польского короля и министра в Польше Кейзерлинга, сочинили свои поправки к плану, и 22 февраля Ласси был отправлен новый указ: «...сшим воеводою Любельским бывшие примирительные трактаты не токмо бесплодно разорваны (?), но что и он воевода с своими единомышленниками всеконечно в Пруссию перебирается, и для того Его Королевское Величество просит чтоб от нашей тамо обретающейся коннице один корпус от пяти до шести тысяч человек с пристойным detachmentом казаков... повелеваем вам по получении сего немедленно учредить и обретающейся тамо нашей кавалерии пять полков драгунских, а именно те которые в близости к тем местам находятся, дабы далними контрамаршами излишно утруждены не были, и один detachment казаков в числе сколько пристойно, и приставя над ними генералитета пристойного одного или двух командиров, генерала маэора Бахметова или кого поблизости за благо рассудите, оной корпус и казаков в полную Его Королевского Величества диспозицию отдать, дабы он по неприятельским обращениям, запотребно рассуждено будет, действовать могли, но при том имеете вы определяемому над оными командиру накрепко повелеть того смотреть, чтоб войско наше нужды не потерпело, такожде излишно бы утруждено и в разорение приведено не было»¹³. Особенно интересно в этом указе решение передать значительный корпус русских войск в полное подчинение польскому королю, что было явным новшеством для данной кампании. Реализован указ не был, по всей видимости в силу значительного несоответствия обстановке, сложившейся в Польше на момент его там получения. Таким образом, можно заключить, что в показанной ситуации при решении проблемы более политической, чем военной, генерал Ласси принимал решения исходя сперва из своих представлений об оперативной обстановке и только после учитывал пожелания и требования польской стороны. Указания же кабинета министров серьезно отставали от развития ситуации.

Конечным результатом самостоятельного планирования и четких своевременных распоряжений Ласси стала последовавшая в марте ликвидация последнего крупного военного объединения противников Августа III в Польше.

Намного сложнее, чем разбить сторонников Лещинского, оказалось для генерала Ласси решать проблемы со снабжением своих войск продовольствием и фуражом. И дело было не только в том, что многие области страны были разорены противоборствующими польскими сторонами, но и в том, что вопрос этот был сильно политизирован и многие инциденты быстро переходили на дипломатический уровень. А Ласси, как и другим российским командирам, не раз приходилось оправдываться перед Императрицей и кабинетом:

«Чтож поляками внушается о равномерном взятъе с доброжелательных и противничьих маетностей провианта и фуража, о сем пред недавнем временем я доносил, что куда-б войска Ея И. В-ва ни прибыли, всякий является приятелем и, кроме известных противников, в редком дистрикте, кажется, противничья деревня, но из таковых нетолько войска удовольствоваться, но и сбавки с приятельских маетностей учинить неможно; одинаково поныне, сколько случая сыскаться могло, приятелям служил и на следующие при мне из-под Данцига полки поднесъ жалобы ни от кого не имелось, но от бывших в тех местах сеймиков присланы были, за доброе команды содержание, с письменным благодарением, послы, из каковых одно письмо при сем всеподданнейше предъявляю и впредь, по силе онаго Ея И. В-ва всемилостивейшаго указу, колико крайне возможно, наблюдать буду. На полки же, кои следовали из-под Данцига, по той сторон Вислы к Раве и Пентракову, в бытность мою в Варшаве, жалобы приношены были, якобы провианта и фуража взятъе чинено было непорядочно и будто-ж офицерам, за порции, браны деньгами, из чего, что то взятъе провианта и фуража чинено непорядочно, статья может, понеже обретающиеся около тех мест полки долговременно ожидали прибытия его королевскаго величества, а хотя от ген.-лейт. Загряскаго в лежащая около тех мест воеводства о привозе провианта и фуража универсалы были посланы, токмо оные добровольно по тем универсалам возили мало и затем он принужден был из ближних мест брать, где сыскать мог»¹⁴.

В феврале же 1735 г. дополнительную сложность в этом вопросе создало для отрядов Загряжского и Бахметева следование указаниям плана кабинет-министров от 16 декабря 1734 г. Дойдя в конце января до Сандомира и попытавшись, как им было предписано, расположиться «по левую сторону Вислы от Сандомира до Ярославля и до Львова», они обнаружили там войска корпуса принца Гессен-Гомбургского. Случилась эта накладка, по всей видимости, из-за неопределенности указаний, получаемых принцем из Петербурга, и сложных путей связи с ним. Управление его корпусом велось через Киевского генерал-губернатора гр. фон Вейсбаха, располагавшегося в то время в Белой Церкви, которому также 16 декабря 1734 г. был отправлен рескрипт со следующими распоряжениями:

«Что до ген.-лейтенанта кн. Гессен-Гомбургского принадлежит, то Мы уже в прежних наших указах вам повелели, чтоб он с ген. Лесием и с другими нашими корпусами искал иметь прилежное сношение, дабы, как возможно, с которою-нибудь командою, для захвачения воеводы Киевского с собранием его в середине и перенятия оного, соединиться и тако вкупе действовать, и каким образом толь скорее сокращен быть мог; и понеже как генерал Лесий, так и ген.-поручик Загряжский и ген.-майор Бахметьев разными корпусами маршируют к Сандомиру и Казимиру, того ради надлежит вам ему, князю Гессен-Гомбургскому, о том дать знать и подтвердить, чтоб он, всеконечно, искал со оными прилежное сношение иметь и для прекращения тамошних находящихся неприятелей, с общего согласия поступать и стараться как-бы тех неприятелей в середине получить и тем тамошним безпокойствам и замешаниям толь скорейшего окончания учинить»¹⁵.

Вслед за этим корпус Гессен-Гомбургского снялся с зимних квартир и двинулся навстречу войскам Ласси, 30 декабря заняли Львов, а авангард генерал-лейтенанта Кейта продвинулся до Яворова и Перемышля¹⁶. Доклад Вейсбаха об этом в Петербурге получили 5 января 1735 г.¹⁷, и 8-го Императрица подписала указ ему же с выдержками из плана, который генерал переслал Гессен-Гомбургскому только 22 января¹⁸. Указаний о том, какие именно войска должны оставаться в Русском воеводстве, не последовало, и командующим корпусами пришлось решать эту проблему самим. А вот тут, как можно заключить из писем генерала

Ласси к генерал-лейтенанту Гессен-Гомбургскому, «с общего согласия поступать» не получилось.

Первое из имеющихся писем было отправлено 11 февраля 1735 г. (следует отметить, что Ласси в это время находился в движении, что создавало дополнительные сложности в управлении войсками). Из него можно понять суть конфликтной ситуации – Ласси, руководствуясь планом, хотел разместить полки в Русском воеводстве и предлагал принцу Гессен-Гомбургскому освободить квартиры, а тот доказывал, что сделать этого не может:

«Вашей светлости высокосклоннейшее вторичное писание от 30 января и сего февраля 10 числа з должнейшим моим почтением принять получил, противу которого на аригинале сего февраля 5 к вашей светлости доносил. Инже паки имею честь доносить же чтоб по силе плана команды моей полки не разстановить без особливого Ея Императорского Величества на то указу учинить не могу, ибо тот план, как пред сим предъявлял, не толка что ради одного поляков сокращения, но и для того чтоб возможно было из тех по плану мест где общее Ея Императорского Величества [...] Ея Величества союзников ин же требует употребить. ...по силе имеющегося у меня особливого Ея Императорского Величества указу шестнадцать полков пехотных следуют уже к Кракову и к Шленским границам и для комплекту тех пехотных то ж драгунских полков обретаются в пути чрез Литву девять тысяч человек драгун и солдат, а на восемь тысяч драгун готовитца по подряду в Шлезии мундир которой имеет быть поставлен на границе в будущем марте месяце неотложно. Из чего Ваша светлость довольно признать можете, что по часту упоминаемому плану полки расставить, а особливо магазин неотложно и немедленно учредить надлежит. Однако по тем Вашей светлости письмам приказал я генералу-лейтенанту и кавалеру гну Загряжскому покудова корпусом своим уступить изволиете по удержании в нынешних местах, того ради покорно Вашей светлости прошу егда ту уступку надлежащих мест учинить прикажете, дать ему гдну Загряжскому от себя знать. Так же ежели при уступлении том может быть остаточной во удовольствие провиант и фураж, имею надежду что прикажете дать на каманду оного господина Загряжского»¹⁹.

В письме от 16 февраля Ласси вынужденно соглашается подождать с перемещением полков: «...хотя по силе Ея Император-

ского Величества всемилостивейших указов и плана каманды моей драгунские полки неотменно от Ярослава ко Львову расставить по силе показанных от Вашей светлости резонов покудова уступить изволите принужден приказать, хотяб в супсистенции крайняя нужда имеется, генерал-лейтенанту и кавалеру гну Загряжскому полками остаться в прежних местах», т. е. в Люблине, Ополе и Юзефове Люблинского воеводства, и просит уведомить Загряжского о выступлении войск принца с квартир и оставить ему провиант. Примечательно здесь еще и то, что согласно пункту 8 плана с этих территорий предполагалось снабжать еще и пехоту. Принц Гессен-Гомбургский, впрочем, не желал расставаться не только с квартирами, но и со своими солдатами, определенными на пополнение полков Ласси: «Что же изволите припоминать дабы я мог следовать к Шлезии не занимая русского воеводства, чрез оное итить мне не надлежит, а будут поставлены до шлезской границы чрез краковское воеводство не только пехотных полков, також и команды Вашей светлости по силе указа драгун покудова следующие для комплекту команды моей полков драгуны и салдаты придут и за укомплектованием оными нужды не будет требованием обожду, однаково прошу приказать завременно оным командированным учинить дачу впредь по сообщении от меня могли в надлежащие отправлены быть без замедления»²⁰.

Тяжелая ситуация с продовольствием сложилась и в отряде генерал-майора Бахметева, что видно из письма Ласси от 24 февраля: «Понеже генерал-майор господин Бахметев ко мне репортовал, что при состоящих в ведении ево полках в супсистенцы состоит крайняя нужда и весьма (?) урону, а по нынешним конъюктурам вскорости откудова взять ево небезсумнительно, того ради Вашей светлости определенные на те обретающиеся при нем полки места, кои заняты командою Вашей светлости, егда ис того либо какой по тамошним вашим состояниям притчины быть не может, уступить»²¹. Тем не менее принц Гессен-Гомбургский, как видится, искать компромиссное решение не желал, руководствуясь больше интересами своего корпуса, а не общего дела, и даже пошел на обострение конфликта с полками Бахметева. Ласси же, лишенный возможности оперативно реагировать на развитие событий (письмо принца от 20 февраля он получил только 2 марта) и

беспокоясь о вверенных его заботам полках, был вынужден уступить:

«...состоящие в русском воеводстве поветы, с которых провиант и фураж на довольствие команды Вашей светлости берется, асигнованы были на полки команды моей обретающиеся генерале-майоре господине Бахметеве по силе плана, но когда уже Вашей светлости уступить нельзя и генералу-лейтенанту господину Кейту о недаче со оных на те состоящие при нем Бахметеве полки пропитания публиковать приказали. А и кроме оных, как Вашей светлости известно одно (?), что Вислою пресечено, другое пильзинской поветы по силе армистии на коронные состоящие под командою Киевского воеводы полские войска отданы. Третье: из-за Вислы за употреблением на состоящие при мне полки брать нельзя больше супсистенции ему Бахметеву иметь невозможно. Ежели Ваша светлость по нынешним конъюктурам и по заключенному с Киевским воеводою и вышепомянутым под командою его войски трактата, которым все Его Королевского Величества за законного своего короля и государя признали, асигнованы русского воеводства поветов уступить приказать не изволите, приказал я ему Бахметеву три пехотные полка отпустить ко мне за Вислу, а с прочими податься к Блину (?)» (письмо от 2 марта)²².

Проблема с размещением на квартиры на одной территории полков двух разных корпусов российских войск во время заграничных походов была не нова. Но в этот раз решить ее должным образом, насколько можно судить по неполному комплексу материалов, не удалось, в результате чего генерал Ласси должен был отказаться от выполнения части правительственного плана по размещению войск. Такое развитие событий стало результатом, с одной стороны, отсутствия единого командования войсками непосредственно на театре их действий, а с другой – отсутствия четкого разграничения зон полномочий генерала Ласси и генерал-лейтенанта Гессен-Гомбургского.

Дальнейшее изучение организации управления российскими войсками на отдаленных театрах военных действий, каковым являлась Речь Посполитая, важно не только для лучшего понимания событий 1733–1735 гг., но и последующей Русско-турецкой войны 1736–1739 гг.

- ¹ Бутурлин Д.П. Военная история походов россиян в XVIII столетии. Ч. 3. Т. 4. 2-я пол. Описание Польской войны с 1733 по 1735 год. СПб., 1823. С. 86–87, 91–92.
- ² Бумаги Кабинета Министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 4. 1735 г. // Сборник Императорского русского исторического общества (СИРИО). Т. 111. СПб., 1901. С. 9–10.
- ³ СИРИО. Т. 108. СПб., 1900. С. 482.
- ⁴ Бутурлин Д.П. Указ. соч. С. 91–96; Нелипович С.Г. Союз двуглавых орлов: русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М., 2010. С. 145–146.
- ⁵ ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Штаб генерал-фельдцейхмейстера (ШГФ). Д. 209. Л. 114 об.–116. (Текст документов, для облегчения восприятия, частично приведен к современной орфографии, и местами расставлены знаки препинания.)
- ⁶ Там же. Л. 125.
- ⁷ Там же. Д. 490. Л. 22 об.
- ⁸ Там же. Л. 21.
- ⁹ Там же. Л. 19–20 об.
- ¹⁰ Переписка английских дипломатов // СИРИО. Т. 76. СПб., 1891. С. 367.
- ¹¹ СИРИО. Т. 20. СПб., 1877. С. 103.
- ¹² Журнал о воинских операциях с 1733 г. по 1737 г. // Сборник военно-исторических материалов. Вып. 3. СПб., 1893. С. 157–159.
- ¹³ ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 209. Л. 129–130.
- ¹⁴ Рапорт Ласси от 4 января 1735 г. // СИРИО. Т. 111. С. 19–20.
- ¹⁵ СИРИО. Т. 108. С. 468.
- ¹⁶ ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 118. Л. 18.
- ¹⁷ СИРИО. Т. 111. С. 3.
- ¹⁸ ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 208. Л. 169.
- ¹⁹ Там же. Д. 490. Л. 18, 21 (из местечка Мудриц).
- ²⁰ Там же. Л. 19. (из местечка Сенно).
- ²¹ Там же. Л. 24. (из местечка Апатов).
- ²² Там же. Л. 57. (из местечка Пинчова)